

В СТАТЬЕ, СУД ИДЕТ! СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Екатерина Моисеева

Екатерина Моисеева – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: ЕУСПб, ул. Гагаринская, 6/1, литера А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. emoiseeva@eu.spb.ru.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Социологическое исследование юридической профессии в России», код 14-18-02219.

В статье рассматривается процесс судебного разбирательства с точки зрения социологии. Эмпирическую основу исследования составили данные, полученные в ходе наблюдений в районных судах Санкт-Петербурга в 2014–2015 годах. В центре внимания автора находятся следующие вопросы: как осуществляется допуск на судебный процесс, каковы церемониальные и процессуальные правила взаимодействия, кто контролирует их исполнение, как происходит трансформация социального статуса подсудимого в процессе судебных слушаний. В теоретической части автор показывает, чем судебный процесс отличается от театрального представления. Судебный процесс часто сравнивают с театром, однако в театре существенно признание того факта, что роли исполняются, в суде же важно то, что исполнение роли имеет последствие. В этом плане более подходящим термином для описания судебного процесса будет «перформанс», то есть публичное исполнение, а не разыгрывание. Автор предлагает три объяснения перформативности судебного процесса: политическое, юридическое и социальное. Обращаясь к результатам наблюдений, автор анализирует, для кого исполняется судебный перформанс в российских судах: для граждан, судьи или подсудимого. Отсутствие ориентации профессиональных юристов на обывателей, пренебрежение процессуальными правилами, нарушение прав подсудимого, упрощенный порядок рассмотрения дела негативно влияют на восприятие судов как места отправления правосудия. Автор приходит к выводу, что судебный процесс в России – это театр без зрителей, процесс без состязательности, ритуал без сакрального. Судьи занимаются рутинной бюрократической деятельностью, в которой остается мало пространства для профессионального суждения.

Ключевые слова: судебные слушания; перформанс; отправление правосудия; аудитория; церемония деградации социального статуса; правила взаимодействия; российские суды

Исследованию деятельности судов посвящена масса социологических работ. Большинство из них рассматривают судебную систему с точки зрения организационного подхода; в центре внимания оказываются такие вопросы, как механизмы

рекрутинга и ротации судей, нагрузка, отчетность, внешний контроль, условия работы, показатели эффективности (Dixon 1995; Eisenstein and Jacob 1977; Henderson and Kerwin 1982; Mohr 1976; Nardulli 1978; Ostrom et al. 2007; Seron 1990 и др.). При этом сам процесс судебного разбирательства часто остается за скобками.

В этой статье я исхожу из представления, что только посредством наблюдения реальных судебных слушаний можно понять, как осуществляется отправление правосудия в конкретном социальном контексте. Юристы уверены, что закон существует на бумаге. Социологи же утверждают, что закон можно увидеть только на практике, то есть в действиях полицейских, следователей, прокуроров, судей, адвокатов, судебных приставов и т. д. Судебный процесс есть право в действии в его предельной форме. Можно сравнить судебный процесс с исполнением музыкального произведения: как партитура должна быть проинтерпретирована исполнителем, так и закон, зафиксированный на бумаге, должен быть применен людьми, уполномоченными это делать (Levinson and Balkin 1991:1609). В России основные принципы уголовного судопроизводства изложены в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК РФ). В соответствии с ними судебный процесс должен быть состязательным, открытым, стороны – равноправными, судья – независимым, решение – мотивированным. Указанные принципы являются абстрактными категориями, в законе они не конкретизированы. Как же они проявляются на практике и что собой представляет «нормальный» судебный процесс в России?

Настоящая статья основана на результатах наблюдений, которые проводились в районных судах Санкт-Петербурга в 2014–2015 годах. Меня интересовали слушания по уголовным делам публичного обвинения, которые являются эталонным государственным принуждением, так как государство имеет монополию на возбуждение и прекращение такого рода дел. Районные суды были выбраны в связи с тем, что в них рассматривается подавляющее количество уголовных дел публичного обвинения¹. Основное внимание было уделено следующим аспектам деятельности судов: допуск на судебный процесс, отношение судей к присутствию аудитории, церемониальные и процессуальные правила взаимодействия в суде и контроль за их исполнением, сравнение обычного и особого порядка судопроизводства. В теоретической части я отвечаю на вопрос, почему основным форматом отправления правосудия является судебный перформанс, который разворачивается в реальном времени для живой аудитории. Здесь предлагается три объяснения перформативности судебного процесса: политическое, юридическое и социальное. Разница подходов состоит в том, кто является адресатом судебного перформанса: граждане, судья или подсудимый. В эмпирической части я обращаюсь к результатам наблюдений в судах и показываю, что отсутствие ориентации профессиональных юристов на обывателей, пренебрежение процессуальными

¹ Мировые суды (низшая инстанция) рассматривают дела частного обвинения, они возбуждаются по заявлению потерпевшего и часто не требуют участия прокурора и адвоката. Суды уровня субъекта Федерации (высшая инстанция) занимаются особо тяжкими преступлениями, апелляционными и кассационными жалобами, процессами с участием присяжных заседателей.

правилами, нарушение прав подсудимого, упрощенный порядок рассмотрения дела негативно влияют на восприятие судов как места отправления правосудия.

ЧТО ТАКОЕ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС?

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ПЕРФОРМАНС

Одна из самых популярных метафор, которая применяется к судебному процессу – это метафора театра. Действительно, трудно отрицать наличие определенных театрализованных элементов в процессе судебного разбирательства: есть сцена, действующие лица, зрители, сценарий (процедура ведения судебного процесса прописана в кодексах). Кроме того, судебный «спектакль» имеет заданные временные рамки и четкую повествовательную структуру с завязкой, кульминацией и развязкой. На укрепление метафоры судебного процесса как театра работают различные телевизионные проекты. Такие телепередачи, как «Суд идет», «Суд присяжных», «Час суда с Павлом Астаховым», «Федеральный судья», создаются с привлечением актеров, исполняющих роли по заготовленному сценарию. Телевизионный судебный процесс представлен таким образом, чтобы удержать зрителя у экрана: смысловые и эмоциональные акценты правильно расставлены, интрига сохранена до конца, мораль очевидна.

И все же сравнивать реальный судебный процесс с театром или приравнивать его к телевизионному проекту не совсем правильно. Телепередачи являются имитацией судебных слушаний, они схватывают лишь самые приметные и выразительные черты судебного процесса и гиперболизируют их². Судебный процесс – это не игровой спектакль, поскольку здесь решается судьба индивида. В театре есть признание того, что роли играют; в судебном же процессе отсутствует разоблачение актеров в конце. Судебный процесс требует искренности; здесь нельзя врать или притворяться. Суд – это место, где индивид несет ответственность за исполнение ролей в повседневной жизни, будь то роль хорошего родителя или законопослушного гражданина.

Более подходящим термином для описания судебного процесса будет *перформанс* (performance), то есть публичное исполнение, а не разыгрывание (Peters 2008:184). То общее, что есть между театральным спектаклем и судебным процессом, – это разворачивание действия в реальном времени, перед живой аудиторией, в устной форме и в специально отведенном для этого пространстве. Нетрудно представить альтернативный способ оправления правосудия: судья получает документы от представителей сторон, самостоятельно изучает доказательства, при необходимости вызывает стороны для дополнительных вопросов, принимает решение, готовит итоговый документ, который стороны получают в письменном

² Обращаясь к теории фреймов Ирвинга Гоффмана, можно сказать, что судебный процесс является первичной или базовой реальностью, в то время как телепроекты наподобие «Суд идет» становятся производными от этой реальности, то есть переключениями (keying) (Goffman 1974). Они имеют такое же отношение к первичной реальности судебного процесса, какое имеет семилетний ребенок, укачивающий куклу, к матери, укачивающей младенца (Вахштайн 2011), то есть это имитация, игра в первичную реальность.

виде. Подобная упрощенная процедура часто используется для разрешения споров между юридическими лицами, однако большинство уголовных дел рассматривается в рамках публичных слушаний, с оглашением материалов, устным допросом свидетелей, зачитыванием приговора и пр.

Здесь возникает вопрос целесообразности публичных слушаний. Отправлением правосудия занимаются специально обученные люди (судьи, прокуроры, адвокаты), действия которых регулируются нормами права. Они и при отсутствии «зрителей» должны выносить справедливое и объективное решение. Зачем тогда тратить средства из государственного бюджета на поддержание *публичности* судебного процесса? Для кого разыгрывается судебный перформанс?

ТРИ ОБЪЯСНЕНИЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

Существует несколько объяснений перформативности судебного процесса, которые условно можно разделить на политическое, юридическое и социальное. Каждое из них позволяет лучше понять природу судебного процесса как перформанса.

Политическое объяснение. Основой любого государства является монопольное право на применение насилия, полученное от граждан на легитимной основе. Одной из сторон монополии на насилие является прерогатива государства решать, что есть преступление, кто заслуживает наказания, в какой мере, а также приводить наказание в исполнение. При таком подходе степень легитимности государства будет определяться желанием граждан в случае возникновения конфликтных ситуаций обращаться в суд, а не прибегать к использованию собственной физической силы. Чтобы гражданин был уверен, что его обидчик наказан и это наказание справедливо, государство должно обеспечить прозрачность судебных процедур. Поэтому судебные процессы практически всегда открыты для публики, особенно если речь идет об уголовных делах³. Любой человек может самостоятельно оценить, насколько хорошо государство справляется с делегированным ему правом на монопольное применение насилия, и решить, заслуживает ли оно доверия в будущем. Создание механизмов для участия граждан в судебном перформансе (таких как суд присяжных или институт народных заседателей) повышает доверие к судам и легитимирует государство в качестве главного регулятора социальных конфликтов и гаранта социального порядка.

Другим политическим объяснением перформативности судебного процесса является демонстрация власти. На бумаге закон не страшен – он страшен в действии. В зале суда сила закона ощущается визуально и телесно (Peters 2008:180). Никто не хочет оказаться на месте подсудимого и почувствовать на себе силу государственного принуждения, а потому старается не нарушать установленные правила. Таким образом, в политическом смысле судебный процесс как перформанс выполняет две задачи: а) легитимация государства через участие граждан в

³ Некоторые суды используют возможности интернета и осуществляют прямую трансляцию судебных слушаний, открывая тем самым доступ к судебному процессу для широкой аудитории (см.: Сокол 2017).

судебных слушаниях; б) демонстрация силы государства и принуждение к подчинению.

Юридическое объяснение. С юридической точки зрения, разворачивание судебного процесса в реальном времени создает условия для принятия непредвзятого и объективного решения.

Во-первых, документы не могут передать всей информации, имеющей отношение к делу. Судебные слушания, напротив, позволяют понять контекст произошедшего. Посредством устного состязания сторон происходит реконструкция конфликта нарративными средствами. Как пишет Милнер Болл, в судебном перформансе видна жизненная драма, а не только правовые факты и абстракции (Ball 1975:105). Во время судебного процесса дело проигрывается несколько раз, с позиций разных участников, что позволяет судье принимать нестандартные решения, подходя к каждому случаю индивидуально.

Во-вторых, публичный судебный перформанс устанавливает правильную дистанцию между участниками и снижает влияние субъективного фактора. На это работают как неформальные, так и формальные правила взаимодействия. С одной стороны, существует судебный этикет. Например, в зале суда не допускаются оскорбления и фамильярности, к судье следует обращаться «Ваша честь», не следует называть оппонента по фамилии/имени/отчеству, нужно выбирать безличные конструкции (правильно будет сказать не «как утверждает товарищ Иванов», а «как утверждает уважаемый адвокат»). С другой стороны, порядок взаимодействия участников судебного процесса регулируется уголовно-процессуальными кодексами. Каждое судебное действие проводится по определенной процедуре. Например, перед проведением допроса судья должен огласить права и обязанности допрашиваемого; первой начинает допрос та сторона, по инициативе которой лицо было вызвано в суд; судья имеет право задавать вопросы только после того, как это сделали гособвинитель и адвокат. Соблюдение судебного этикета и следование регламенту делают процесс более прозрачным и объективным.

В-третьих, решение спора выносится за границы повседневной жизни и происходит в специальном пространстве, организация, символика и внутренний декор которого сообщают нам о том, что мы находимся в месте, где вершится правосудие. Георг Зиммель в эссе «Рама картины: эстетический опыт» утверждает, что рама картины, обрамляющая произведение искусства, в значительной степени определяет эстетический опыт зрителей (Simmel 1994). По аналогии с этим можно сказать, что материальный и символический декор зала судебных слушаний влияет на восприятие судебного процесса. Канонический образ зала суда – это просторная комната с высокими потолками и массивной деревянной мебелью. Кроме того, есть обязательные атрибуты, которые составляют материальность судебного процесса и являются символами законности. К ним относятся молоток судьи, мантии, парики, трибуны, флаги, гербы, весы правосудия. Символика и внешние атрибуты судебного процесса помогают провести грань между миром личного, повседневного и миром безличных правовых фактов, придавая некоторую сакральность происходящему и повышая его значимость.

Социальное объяснение. Вне зависимости от того, что происходит в судебном процессе с юридической точки зрения, он имеет социальную природу. Судебный процесс – это ритуальное действие, результатом которого является разграничение нормального и патологического, что способствует формированию коллективной идентичности и поддержанию социального порядка. Переход из одного статуса в другой (в данном случае из статуса законопослушного гражданина в статус девианта) вызывает эмоции, связанные с потерей прежних отношений. Ритуал помогает дистанцироваться от этих переживаний за счет того, что участники ритуала являются одновременно его зрителями (Scheff et al. 1977:488). Судебный процесс как ритуал, с одной стороны, направляет агрессию потерпевших в правильное русло, дает моральную компенсацию, а с другой – позволяет нарушителям раскаяться в содеянном, принять новую роль и занять новое положение в социуме.

В ходе судебного перформанса происходит то, что Гарольд Гарфинкель назвал «церемонией деградации статуса» (Garfinkel 1956). В самом общем виде под церемонией деградации статуса понимается процедура публичного порицания, вследствие которой индивид, нарушивший норму, правило или закон, лишается своей предыдущей идентичности и получает новую идентичность «аутсайдера». По мнению Гарфинкеля, церемонии деградации статуса касаются не индивидуальных особенностей поведения, а «тотальных» характеристик человека, конституирующих его идентичность, то есть порицание вызывают не столько сами действия, сколько мотивы их совершения. Лишение индивида идентичности сопровождается потерей определенных прав и привилегий и может привести к физической изоляции от общества – посредством помещения в тюрьму, психиатрическую клинику, лишения воинского звания, отлучения от церкви и т. д. Таким образом, церемонии деградации статуса можно рассматривать как способ борьбы с девиацией. Подобного рода церемонии существуют в любых «нормальных» обществах. Как пишет Гарфинкель, «только в полностью деморализованных обществах наблюдатель не сможет найти подобного рода церемоний, так как в состоянии полной аномии отсутствуют условия для их появления» (Garfinkel 1956:420).

Церемонии деградации статуса могут проходить с большим или меньшим успехом. Чтобы депривация социальной роли состоялась, необходимо соблюдение нескольких условий, к которым в частности относится наличие разоблачителя (denouncer), выступающего в роли публичной фигуры и говорящего от имени всей общности (Garfinkel 1956). Можно сколько угодно обвинять конкурента в недобросовестном поведении, но чтобы действительно устранить его с рынка и лишить репутации в глазах клиентов, необходимо наличие независимой публичной фигуры или арбитра, способных вынести суждение от лица всего общества и не имеющих собственных интересов в понижении статуса данного лица. Бабушки на лавочке исходят из личного представления о нравственности, когда осуждают поведение молодой девушки в короткой юбке; судья же опирается на единые для всех нормы права. В этом смысле судебный процесс является наиболее успешной (непредвзятой) церемонией деградации статуса.

Перформанс для кого? Обобщая вышесказанное, можно сказать, что разворачивание судебного процесса в актуальном времени выполняет несколько функций: укрепляет веру в государство как главного регулятора социальных конфликтов, способствует вынесению справедливого, с юридической точки зрения, решения, поддерживает социальный порядок. Важное отличие между представленными подходами состоит в том, кто является аудиторией судебного перформанса. С политической точки зрения, судебный перформанс исполняется для всех граждан. Судебные процессы являются открытыми, так как граждане должны иметь возможность наблюдать за тем, как государство использует делегированное ему право судить и наказывать обидчиков. С юридической точки зрения, главным зрителем судебной «драмы» является судья. Представители сторон разыгрывают перед судьей две разные версии произошедшего, выступая одновременно в роли режиссеров и исполнителей судебного спектакля. Такой формат позволяет принять максимально объективное решение. Социальное объяснение исходит из того, что главной аудиторией судебного перформанса является сам подсудимый, который наблюдает за трансформацией своего социального статуса со стороны. Участие в коллективном ритуальном действии (церемонии деградации статуса) помогает подсудимому смириться с потерей прежних социальных отношений, принять новый статус и начать действовать в соответствии с ожиданиями общества.

В эмпирической части я последовательно обращаюсь к каждому из представленных подходов. В первую очередь меня интересует, для кого исполняется судебный перформанс в российских судах. Если исходить из представления, что аудиторией являются обычные граждане, то важно посмотреть, насколько свободно они могут зайти на случайное судебное заседание, как судьи воспринимают присутствие обывателей, стараются ли сделать процесс более понятным (политический подход). Если мы считаем, что главным зрителем является судья, наблюдающий за тем, как адвокат и прокурор сталкиваются в честном поединке, то акцент должен быть сделан на том, как на практике реализуется принцип состязательности, бывают ли ситуации, когда участники отходят от своих ролей, кто осуществляет контроль за церемониальными и процессуальными правилами взаимодействия (юридический подход). Наконец, если целью судебного перформанса является смягчение перехода из одного социального статуса в другой, то нужно понимать, как обеспечивается охрана прав подсудимого в судебном процессе, в какой форме обращаются к нему другие участники, какие действия предпринимает адвокат как представитель подсудимого (социальный подход).

ДЛЯ КОГО ИСПОЛНЯЕТСЯ СУДЕБНЫЙ ПЕРФОРМАНС В РОССИЙСКИХ СУДАХ?

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Основными эмпирическими данными при изучении судов являются интервью и статистические данные. К наблюдениям исследователи прибегают нечасто и в основном лишь для того, чтобы провести разговорный анализ (conversation analysis). Существует ряд работ, посвященных тому, каким образом производятся

обвинительные и оправдательные нарративы в судах и каким образом умение рассказать историю влияет на исход дела (Atkinson and Drew 1979; Bennett and Feldman 1981; O'Barr 1982 и др.). Что касается наблюдений в российских судах, то редкими исключениями являются работы следующих авторов: Станислава Поморского, который провел наблюдение в одном из районных судов Красноярска в конце 1990-х (Pomorski 2001); Роберта Рэнда, изучавшего советских адвокатов в конце 1980-х и наблюдавшего за их работой в судебных слушаниях (Rand 1991); Джорджа Фейфера и Джуда Зелича, исследовавших советские суды в середине 1960-х и конце 1920-х соответственно (Feifer 1964; Zeltich 1931).

Настоящая статья основана на результатах наблюдений, которые проводились в районных судах Санкт-Петербурга с марта 2014 года по ноябрь 2015 года. Наблюдения велись только на слушаниях по уголовным делам. На предварительном этапе сбора данных необходимо было определить, как осуществляется доступ в районные суды, по каким критериям следует отбирать судебные слушания и как структурировать дневник наблюдений.

Изначально я планировала выбрать несколько уголовных дел и ходить на каждое судебное заседание по этим делам. Однако данная задача оказалась трудно реализуемой, так как слушания часто отменяются и переносятся, поэтому рассмотрение уголовных дел может растягиваться на месяцы и годы. Кроме того, с каждым новым заседанием по делу появляется больше информации юридического характера, но приращения социологического эмпирического материала не происходит. Поэтому в итоге я отказалась от первоначального плана и выбрала более рациональную тактику сбора данных.

Расписание всех судебных заседаний публикуется на интернет-сайтах районных судов Санкт-Петербурга. Обычно я выписывала расписание всех уголовных дел на текущий день и начинала наблюдение с первого по списку. Если слушание переносилось или дело рассматривалось в закрытом режиме, я выбирала следующее по списку заседание. Если в одно и то же время было несколько заседаний, то я исходила из принципа максимальной вариативности и выбирала того судью или дело с обвинением по той статье Уголовного кодекса РФ, которая не была еще представлена в моей выборке.

Длительность одного судебного слушания могла составлять от 15 минут до 4 часов, поэтому иногда удавалось побывать на пяти заседаниях в один день, а иногда – только на одном. Обычно я садилась на последний ряд для зрителей и вела записи в блокноте непосредственно во время процесса; впоследствии информация переносилась в структурированный дневник наблюдений. В дневнике фиксировались как формальные характеристики судебного слушания (номер уголовного дела, фамилия судьи, длительность процесса, дата совершения преступления, дата поступления дела в суд, количество слушаний по делу, наличие аудитории, обычный / упрощенный порядок рассмотрения дела и т. д.), так и содержательные (обстоятельства дела, конкретные фразы и действия участников процесса).

Всего было проведено 115 часов наблюдений по 50 уголовным делам в 9 районных судах с 29 судьями по 28 статьям Уголовного кодекса РФ. Основной поток дел касался хранения и сбыта наркотиков, мошенничества, разбоев. Помимо рай-

онных судов в Санкт-Петербурге, я провела несколько сравнительных наблюдений в судах Берлина и Милана в апреле и мае 2016 года. В Берлинском суде (Kriminalgericht Moabit) я присутствовала на четырех судебных слушаниях с разными судьями, каждое рассматриваемое дело проходило полный цикл от оглашения обвинения до вынесения приговора. В Миланском городском суде (Tribunale di Milano) было проведено 2 дня наблюдений, в течение которых было рассмотрено более 15 различных дел, ни одно из них не закончилось вынесением приговора⁴.

Несколько слов необходимо сказать о физическом пространстве и внутреннем декоре российских судов, так как они формируют представление о суде как месте отправления правосудия. Здания районных судов Санкт-Петербурга, в которых проводилось наблюдение, сильно различались и по размеру, и по способу организации внутреннего пространства. В некоторых судах ремонт был свежим, в других он не проводился на протяжении многих лет. Особенно сильно на восприятие суда влияло состояние коридоров, лестничных пролетов и уборных, так как они создавали первичное представление о суде. В одном суде на лестничной клетке висело объявление «Курить в здании запрещено. За это следует штраф в соответствии с КоАП», при этом рядом стояла урна с пепельницей, на полу лежало несколько окурков, на стене были пятна от затушенных сигарет. Залы судебных заседаний также были разными: от совсем маленьких и тесных, с низкими потолками, в которых едва умещались основные участники процесса, до просторных и вместительных, с хорошей акустикой, высокими потолками, цветами на подоконниках и т. п. Конечно, когда начинается судебный процесс, внимание наблюдателя переключается на его содержание, и внутреннее убранство зала суда уже имеет куда меньшее значение. В то же время тесные и душные залы судов вызывают ассоциации, связанные с пребыванием в российских государственных учреждениях, таких как поликлиника или паспортный стол, что развеивает идеализированное представление о том, в каких условиях должно осуществляться отправление правосудия.

Еще один важный аспект наблюдений, на котором необходимо остановиться, – насколько серьезной является «проблема наблюдателя» при исследовании судебных процессов. Иными словами, влияет ли присутствие наблюдателя на поведение основных участников процесса. Несмотря на то, что судебные слушания в России являются открытыми, граждане крайне редко ходят в суды в качестве зрителей, поэтому судьи не привыкли к присутствию обывателей. Можно предположить, что в такой ситуации наличие внешнего наблюдателя будет нарушать привычную ситуацию взаимодействия, а потому выводы, полученные в ходе наблюдения, не будут достоверными. Однако проблема наблюдателя является не такой существенной, как представляется на первый взгляд.

Во-первых, редко процессы судебного разбирательства проходят вовсе без публики: на заседания приходят свидетели, понятые, эксперты, журналисты, род-

⁴ Я выражаю огромную благодарность Марии Шклярук и Маурицио Рекордати за содействие в проведении исследования.

ственники и знакомые подсудимых и потерпевших. Во-вторых, во время наблюдений я представлялась студентом или аспирантом. Если за этим следовали дополнительные вопросы, то я говорила, что являюсь социологом и изучаю работу адвокатов (что было правдой). Однако чаще всего меня принимали за студента-юриста, поэтому дополнительных вопросов не возникало. Таким образом, меня не воспринимали как заинтересованного наблюдателя, способного создать какие-либо риски. В-третьих, как справедливо отмечает Дуглас Мэйнард, проводивший наблюдения в американских судах, даже если судьи, прокуроры и адвокаты знают о присутствии внешнего наблюдателя, им сложно начать вести себя по-другому. Для юристов результат по делу важнее того, что может услышать наблюдатель, поэтому они вскоре забывают о присутствии зрителей и ведут себя как обычно (Maynard 1984).

ДОСТУП В СУДЫ И ОТКРЫТОСТЬ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

Одним из принципов российского уголовного судопроизводства является гласность (ст. 241 УПК РФ). Разбирательство уголовных дел во всех судах открытое, то есть любой гражданин может зайти в суд и присутствовать на судебном процессе⁵. В целом попасть в здание районного суда Санкт-Петербурга не представляет большой трудности: необходимо предъявить паспорт охраннику на входе, сказать, к какому судье или в какой зал идешь, пройти через рамку металлоискателя. Сложнее дело обстоит с доступом непосредственно на судебное заседание, так как для этого нужно получить неформальное согласие судьи. Обычно я заранее уточняла у судьи или помощника, можно ли присутствовать на заседании. Судьи по-разному реагировали на просьбу: кто-то дружелюбно, кто-то с опаской. Если судьи отказывали, то чаще всего со следующими формулировками: «у нас процесс закрытый» (хотя на сайте было указано обратное), «у нас ничего интересного не будет», «мы все равно будем переноситься». Иногда судьи просили предъявить паспорт, чтобы проверить, не имею ли я отношение к рассматриваемому делу («посмотрим, кто вы у нас там»). Если заранее не удавалось получить разрешение, то во время заседания судья обязательно спрашивал, какое отношение я имею к рассматриваемому делу. Более того так как заседания часто задерживались или переносились, узнать актуальную информацию о расписании можно было только непосредственно у судьи. Поэтому перед началом каждого судебного заседания приходилось обращаться к судье или его помощнику за получением этой информации или разрешением присутствовать на процессе. Следует сказать, что в Милане и Берлине подобных вопросов не возникало.

Другим свидетельством открытости судебного процесса является его прозрачность, то есть то, насколько ясно доносится информация профессиональными юристами до обывателей и насколько последние понимают происходящее. Наблюдения показывают, что судьи и прокуроры редко ориентируются в судебном

⁵ Закрытым судебный процесс может быть в исключительных случаях: когда возможно разглашение государственной тайны, когда дело рассматривается в отношении несовершеннолетнего, когда совершено преступление против половой неприкосновенности, когда требуется обеспечение безопасности участников судебного разбирательства.

процессе на публику. Это касается не столько использования юридических терминов, сколько того, как подается информация. Некоторые судьи, оглашая материалы дела, говорят быстро, неразборчиво, глотая слова. Кроме того, далеко не всегда судьи зачитывают права свидетелей или подсудимых перед дачей показаний, а если и делают это, то монотонно, скороговоркой. Ниже приведен пример из дневника наблюдения: «Судья говорит очень тихо. Когда разъясняет права, смотрит не на человека, а в стену. Понятые во время разъяснения прав щурят глаза и прислушиваются. Одна из понятых даже сказала: “Простите, я ничего не услышала”» [46]⁶.

Можно сделать предположение, что судьи не стараются сделать процесс более понятным и прозрачным для обывателей, так как они в принципе не привыкли к присутствию большого количества зрителей. Граждане приходят в суды только по повестке; даже родственники и друзья подсудимых и потерпевших не всегда присутствуют в зале. Чуть более чем на одной трети судебных процессов, которые я наблюдала, присутствовали родственники или друзья подсудимых. Обыватели не имеют представления о том, что представляет собой судебный процесс и плохо знают свои права и обязанности. Если судья нарушает процедуру судебного действия, они этого не замечают.

Одним из инструментов социализации граждан в судебной системе является институт присяжных заседателей. Однако в России доля уголовных дел с участием суда присяжных ничтожно мала. Согласно статистике Судебного департамента РФ, в 2016 году из 950 тысяч уголовных дел, поступивших в суды, только 242 было рассмотрено с участием присяжных заседателей. Для сравнения: в Германии существует институт шеффенов (аналог советских народных заседателей); каждый немецкий гражданин обязан отработать определенное количество лет шеффеном в течение жизни, то есть большинство граждан имеет опыт не только участия в судебном процессе, но и принятия судебного решения.

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

Контроль за соблюдением судебного этикета и патернализм судьи. Во время наблюдений значительную часть времени приходилось проводить в коридорах судов в ожидании начала слушания. В такие моменты мое внимание было обращено на неформальные аспекты деятельности судов. Прокурор и адвокат обсуждают прошедший отпуск и скандал в соседнем суде; судья приглашает прокурора вместе пообедать; адвокаты помогают судьям переехать в новое здание; прокуроры идут поздравлять судью с днем рождения. Таким образом, судьи, прокуроры, адвокаты предстают в качестве обычных людей, создающих комфортную среду для взаимодействия. Личный фактор никто не отменял – мы общаемся с теми, кого часто видим и хорошо знаем. Такого рода неформальное взаимодействие также происходило в Берлине и Милане.

⁶ Здесь и далее в квадратных скобках указаны номера судебных слушаний в соответствии с дневником наблюдений.

Тем не менее, как только произносится фраза «Встать, суд идет!» и начинается судебный процесс, все забывают о личных отношениях и начинают играть свои профессиональные роли. Непредвзятость судебного решения обеспечивается, с одной стороны, наличием церемониальных правил взаимодействия, направленных на проявление уважения и почтения по отношению к другим участникам процесса, а с другой стороны – рамками, которые устанавливает Уголовно-процессуальный кодекс для исполнения каждой роли. Насколько участники российского судебного процесса были привержены своим ролям и что происходило, когда они нарушали процессуальные или церемониальные правила взаимодействия?

Чаще всего нарушения судебного этикета совершаются однократными участниками (потерпевшими, подсудимыми, свидетелями), которые либо не знакомы с правилами поведения в суде, либо намеренно их нарушают. Например, подсудимые делают неуместные комплименты секретарям [3]; приходят на заседание в шортах [15]; фамильярно общаются с другими участниками процесса («Гражданка прокурор, давайте вместе почитаем кодекс» [17]). Гособвинители и адвокаты также могут нарушать правила судебного этикета: оскорблять оппонента, критиковать решение судьи, провоцировать конфликт, перебивать других участников и т. д.

Контроль за соблюдением распорядка судебного заседания и правил взаимодействия осуществляет судья (ст. 243 УПК РФ). Он может сделать устное замечание, принять решение об удалении нарушителя с процесса, привлечь его к уголовной ответственности за неуважение к суду. Судьи часто ведут себя патерналистски в судебном процессе. Например, во время наблюдений они произносили следующие фразы: «Суд – это не детский сад» (потерпевшим) [2], «Если Вы с иронией воспринимаете судебное заседание, то почитайте Уголовно-процессуальный кодекс, и Ваша ирония испарится» (подсудимому) [15], «Молодой человек, формулируйте вопросы корректно» (гособвинителю) [26].

Судьи также могут нарушать церемониальные правила взаимодействия: вести процесс без мантии, подшучивать над подсудимыми, обращаться к прокурору по имени. Помимо нарушения церемониальных правил, судьи могут также пренебрегать процессуальными моментами: оглашать приговор в отсутствие адвоката, покидать судебный процесс без объявления перерыва, не зачитывать права и обязанности допрашиваемых, начинать судебный процесс без соответствующей церемонии (делать жест, чтобы никто не вставал при появлении судьи). Однако никто из участников судебного процесса не может контролировать поведение судьи.

Ниже приведено два примера из наблюдений, демонстрирующих нарушение церемониальных и процессуальных правил судьей. Первый пример показывает, как неформальный стиль общения судьи задает тон всему судебному перформансу: «Судья во время судебных слушаний вел себя непринужденно, иронизировал, подшучивал. Когда стали назначать дату следующего заседания, подсудимый сказал, что в следующем месяце у него свадьба в следственном изоляторе, сожительница беременна. Судья спросил: “Прям свадьба? С цыганами и медведем?”. Подсудимый смутился и ответил: “Нет, обычная славянская свадьба”. После окончания процесса судья обратился ко мне: “Ну что, аспирант, все нормально?”» [36]. Во

втором случае по инициативе судьи была нарушена процедура допроса свидетеля: «Вместе с подсудимой на судебный процесс пришла ее знакомая, которая в какой-то момент захотела высказать свое мнение относительно обстоятельств дела. Она присутствовала в зале с самого начала заседания, и, с юридической точки зрения, не могла выступать в качестве свидетеля. Однако судья решил выслушать ее мнение и допросил прямо с места в зале, без оформления ее в качестве свидетеля» [39].

Итак, несмотря на то, что роли участников судебного процесса строго определены, их исполнение может варьироваться. Стиль поведения – это нечто, привносимое действующим лицом в поступки, он демонстрирует, что за ролью есть человек (Goffman 1974). В российском случае то, как будет исполняться судебный перформанс, больше всего зависит от судьи. Неслучайно, фраза «Встать, суд идет!» означает одновременно начало судебного процесса и то, что судья действительно входит в зал. Одни судьи неотступно следуют процессуальным правилам, не допускают опоздания участников, пресекают фамильярность. Другие, напротив, имеют более неформальный стиль общения и ведения судебного заседания. Вопрос состоит в том, как отклонение от церемониальных и процессуальных правил взаимодействия влияет на восприятие судебного процесса как непредвзятого и объективного способа отправления правосудия.

Поломка фрейма. Судебный процесс – это особая рамка социального взаимодействия (фрейм), внутри которого все действия объясняются логикой уголовного судопроизводства. Весь иной социальный опыт должен оставаться за пределами зала судебных слушаний, иначе происходит поломка фрейма, то есть меняется перспектива, из которой индивид воспринимает происходящее.

Во время наблюдений было несколько ситуаций, в которых поломка фрейма судебного процесса происходила с позволения судьи. Приведу несколько примеров. Первый случай связан с доставкой воды. Во время допроса эксперта в зал судебных слушаний заглянул человек в рабочей униформе, судья кивком головы разрешила ему войти и, повернувшись к секретарю, сказала: «Деньги на столе». Рабочий стал заносить в кабинет судьи огромные бутылки с водой. Так как зал был небольшим, все участники процесса стали отвлекаться на рабочего, освобождая ему проход между рядами. Таким образом, на несколько минут произошла поломка фрейма судебного процесса. Более того, рабочий зашел в кабинет судьи, который внутри данного фрейма является сакральным, так как это место, куда удаляется судья для вынесения приговора [40].

Во втором случае судья перед началом заседания предупредила, что к ней может на пару минут прийти человек из ФСИН и нужно будет прервать заседание. Мужчина из ФСИН пришел во время допроса свидетеля. За две минуты до этого судья, не объявляя перерыв и не покидая судейского кресла, ответила на телефонный звонок и объяснила, куда пройти, обращаясь при этом на «ты». В зал вошел молодой человек и проследовал вместе с судьей в кабинет, положив свою ладонь ей на плечо. В данной ситуации поломка фрейма произошла из-за того, что демонстрация фамильярности по отношению к судье расходилась с ролью судьи как независимого арбитра [18].

Наконец, в третьем случае во время процесса устанавливалась телефонная связь с потерпевшим, который находился в Душанбе. Помощнику судьи долго не удавалось дозвониться, связь прерывалась. Прокурор и адвокат стали обмениваться репликами, судья попросил помощника позвонить одному из участников другого процесса, чтобы узнать, выздоровел ли он и готов ли явиться в суд. Обстановка была очень неформальной. В какой-то момент прокурор решила заявить ходатайство и спросила судью: «Мы все еще в процессе или уже нет?». Иными словами, прокурор не была уверена, находятся ли они все еще внутри фрейма судебного процесса или заседание уже закончилось. Судья разрешил прокурору заявить ходатайство [18].

Приведенные примеры показывают, что судьи воспринимают судебный процесс как бюрократическую процедуру, которую можно остановить и возобновить в любой момент. Они позволяют повседневности проникать в сферу сакрального – места, где производится правосудие. Судебный процесс может легко приостановиться из-за того, что к судье пришел знакомый или приехал курьер, доставляющий воду. Даже профессиональные юристы не всегда точно понимают, когда начинается и заканчивается фрейм судебного процесса.

Интересным для сравнения примером может быть итальянский судебный процесс. В городском суде Милана я присутствовала на процессах, где рассматривались правонарушения, зарегистрированные за последние сутки, и судья решал, стоит ли дать ход делу или стоит отпустить подозреваемого. Процессы шли один за другим, без конкретного расписания. Рассмотрение одних дел занимало пять минут, других – более часа, с допросом подозреваемых, потерпевших, свидетелей. То, что происходило в момент рассмотрения дела в зале суда, я условно назвала «базарным правосудием». В зале одновременно находилось около пятидесяти человек, все они участвовали в разных делах и ждали, когда их пригласит судья. Люди постоянно выходили и заходили в зал суда, некоторые стояли в проходах и разговаривали. Однако этот шум никак не влиял на сам процесс судебных разбирательств. Судьи не отвлекались на то, что происходило на последних рядах, не делали замечаний, а были полностью вовлечены в конкретное дело. Каждому участнику был предоставлен микрофон, а рядом с судьей сидел технический работник, который следил за уровнем шума в зале суда и контролировал громкость. Таким образом, поломки фрейма не происходило.

Особый порядок – девальвация судебного перформанса. То, что более всего нарушает «сакральность» судебного процесса в российских судах – это упрощенная процедура рассмотрения уголовного дела. Согласно данным Судебного департамента РФ, в 2016 году около 70% уголовных дел было рассмотрено в особом порядке. Под особым порядком имеется в виду упрощенный порядок судопроизводства, при котором суд не рассматривает доказательства, а исследует только характеристики личности подсудимого (ст. 316 УПК РФ). Для рассмотрения дела в особом порядке обвиняемый должен полностью признать вину на этапе следствия и подтвердить это в суде. В обмен на признание вины подсудимый получает менее суровое наказание, не превышающее двух третей от максимально возможного по вменяемой статье.

Около трети судебных слушаний, на которых я присутствовала, проходили в особом порядке. Подавляющее большинство из них были связаны с употреблением и хранением наркотиков. В обычном порядке дело рассматривается несколько месяцев или даже лет. В особом порядке от фразы «Встать, суд идет!» до вынесения приговора проходит от 15 минут до часа. Все процессы в особом порядке похожи друг на друга: судья оглашает обвинение, прокурор его поддерживает, далее судья спрашивает у подсудимого, признает ли тот вину и понимает ли, что дело рассматривается в особом порядке. После этого адвокат представляет характеристики личности подсудимого: рекомендации с места учебы или работы; подтверждение о том, что у подсудимого на иждивении находятся дети или родители; в редких случаях адвокат приглашает свидетеля, который может дать положительную характеристику подсудимого. После исследования обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, идут заключительные речи прокурора и адвоката, в которых они указывают размер наказания, какой, по их мнению, заслуживает подсудимый. Далее судья удаляется для вынесения решения и возвращается через несколько минут, чтобы кратко огласить приговор.

Упрощенная процедура судебного разбирательства девальвирует судебный перформанс, так как отсутствует сама суть судебного процесса – устное публичное состязание сторон с участием независимого арбитра. Когда в 2001 году обсуждалось введение упрощенной процедуры рассмотрения уголовных дел, предполагалось, что она снизит нагрузку судей в тех делах, где нет спора между сторонами. Однако особый порядок оказался удобным инструментом для сотрудников правоохранительных органов, так как помогает склонять подсудимых к признанию вины в обмен на более мягкое наказание (Соломон 2012). С каждым годом доля дел, рассматриваемых в особом порядке, увеличивается, а судебный процесс все больше превращается в конвейер типовых решений, где профессиональное суждение судьи сводится к минимуму.

Неправильно было бы сказать, что в российских судах совсем отсутствует состязательность. Я присутствовала на судебных слушаниях, где судья строго следил за соблюдением регламента, адвокат пресекал любые попытки нарушить права своего подзащитного, прокурор был хорошо знаком с делом и активно участвовал в судебном следствии, не полагаясь на судью. Но доля таких дел была мала. Можно сказать, что в российских судах есть два способа отправления правосудия – состязательный и несостязательный. При этом «нормальный», то есть наиболее распространенный, способ рассмотрения уголовного дела в районном суде – это несостязательный судебный процесс, то есть упрощенная процедура судебного разбирательства, без исследования доказательств, с признанием вины подсудимого, которая занимает не более одного часа.

ПОДСУДИМЫЙ КАК «ПОСТОРОННИЙ» НА СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

В повести «Посторонний» Альберта Камю главный герой следующим образом описывает восприятие судебного процесса: «Даже сидя на скамье подсудимых, всегда бывает интересно услышать, что говорят о тебе. Могу сказать, что и в обвинительной речи прокурора, и в защитительной речи адвоката обо мне говорилось много, но, пожалуй, больше обо мне самом, чем о моем преступлении. И так ли уж были

отличны друг от друга речи обвинителя и защитника? Адвокат воздевал руки к небу и, признавая меня виновным, напирал на смягчающие обстоятельства. Прокурор простирали руки к публике и громил мою виновность, не признавая смягчающих обстоятельств. Кое-что меня смутно тревожило. И несмотря на то, что я мог повредить себе, меня порою так и подмывало вмешаться, тогда адвокат говорил мне: “Молчите, это будет для вас лучше!”. Вот и получилось, что мое дело разбиралось без меня. Все шло без моего участия. Мою судьбу решали, не спрашивая моего мнения» (Камю [1942] 1989:56).

В ходе судебных слушаний продуктом социального взаимодействия юристов становится «криминальное Я» подсудимого. Его личность раскладывается по полочкам: насколько праведную жизнь он вел, был ли послушным гражданином, любящим родителем, ответственным работником. При этом сам подсудимый наблюдает за происходящим как бы со стороны, его собственное участие в перформансе ограничено. Он имеет возможность высказать собственное мнение, только если к нему напрямую обращается судья или прокурор; любые другие коммуникации должны осуществляться через адвоката. Во время моих наблюдений практически все попытки подсудимых обратиться напрямую к судье с вопросом пресекались; подсудимый никак не участвовал в происходящем. Особенно сильно социальная и пространственная изоляция подсудимого проявляется на «стражных» делах, когда подсудимого в зал суда приводят конвойные и во время слушаний он находится в клетке. Обычно клетка располагается недалеко от входа в зал, вдоль стены, рядом с местом для защитника. В «нестражных» делах подсудимый сидит за одним столом со своим защитником, часто напротив прокурора. Нужно сказать, что содержание в клетке в зале суда является российской спецификой. В других странах, где проводилось наблюдение, даже если подсудимый находился под арестом, во время заседаний он сидел на скамье рядом с адвокатом или на специальном подиуме, отгороженном небольшим забором, то есть даже «пространственно» подсудимый был больше вовлечен в процесс.

Такое изолированное положение подсудимого приводит к тому, что его голосом становится адвокат, от действий которого зависит, насколько успешно пройдет церемония деградации социального статуса и будет ли она обладать терапевтическим эффектом для подсудимого. С социологической точки зрения, смысл судебного перформанса как ритуала состоит в том, что его исполнение помогает перевести эмоции, связанные с понижением социального статуса, в правильную форму и смириться с новым положением в обществе⁷. Принятие нового социаль-

⁷ Даже если подсудимый в итоге будет оправдан, само по себе привлечение к уголовной ответственности и прохождение через все стадии уголовного преследования ведет к понижению социального статуса. Степень стигматизации подсудимого в процессе судебных разбирательств зависит от его социального положения и характера вменяемого преступления. Например, хранение наркотических средств или дача взятки считаются менее стигматизирующими преступлениями по сравнению с мошенничеством в крупном размере, кражей, изнасилованием, убийством. Точно так же к подсудимым, проходящим обучение в университете, имеющим семью и постоянную работу и не имеющим криминальной истории, судьи и прокуроры относятся мягче, чем к мигрантам и безработным.

ного статуса менее травматично для подсудимого, если он видит, что его права и свободы в процессе судебного разбирательства соблюдаются и его собственная позиция принимается во внимание. Большую роль в этом играет адвокат как посредник между судебной системой и подсудимым.

Российский процесс судебного разбирательства далеко не всегда обладает терапевтическим эффектом для подсудимого. Как было сказано ранее, более двух третей уголовных дел рассматриваются в особом порядке, который не предполагает исследования доказательств, так как виновность подсудимого уже доказана и не подвергается сомнению. Более того, значительная доля уголовных дел рассматривается при участии адвокатов по назначению, предоставляемых государством на безвозмездной основе любому лицу, привлекающемуся к уголовной ответственности (статьи 50–51 УПК РФ). В России 62% подсудимых по уголовным делам публичного обвинения относятся к безработным и 23% – к рабочим, занятым физическим трудом (Волков и др. 2014); многие из них обращаются к услугам адвокатов по назначению. Как показывают данные массового опроса адвокатов, те из них, кто преимущественно работает по назначению, в среднем реже заявляют ходатайства, собирают доказательства, приводят свидетелей, общаются с клиентами (Бочаров и Моисеева 2016:58–75). Данные включенного наблюдения это подтверждают: адвокаты по назначению иногда впервые видели своих клиентов за несколько минут до начала судебных слушаний, давая им быстрые установки. Они редко возражают судьям и прокурорам, отвечают на вопросы кратко, не произносят длинных речей. Более того, я наблюдала, как адвокаты по назначению уговаривают своих клиентов признать вину или игнорируют позицию подзащитных во время судебного заседания.

Обвиняемые, не имеющие возможности донести свою позицию на этапе следствия, рассчитывают, что у них будет шанс высказаться в суде. Однако так происходит не всегда. Например, на одном из судебных процессов, где рассматривалось дело в упрощенном порядке, судья после оглашения обвинения спросил у подсудимого, понятно ли, какое преступление ему вменяется и есть ли у него ходатайства. Подсудимый ответил: «Хотелось бы, чтобы меня не подозревали». Судья проигнорировал эту фразу подсудимого, сказав, что дело рассматривается в особом порядке без исследования доказательств. Адвокат также никак не отреагировал на реплику подсудимого [6]. В другом случае подсудимый также признал вину на следствии, но дело рассматривалось в обычном порядке⁸. Показания подсудимого расходились с показаниями, данными на этапе следствия. Судья начал формулировать вопросы в гипотетическом ключе, чтобы склонить подсудимого к нужному ответу: «Если бы он [сообщник] поделился с Вами деньгами, Вы бы их потратили?», «Если бы Вам угрожали пистолетом, Вы бы испугались?». Подсудимым был мигрант, гражданин Узбекистана, на процессе присутствовал переводчик, однако судья задавал вопросы на русском языке, минуя переводчика, и про-

⁸ Процедура упрощенного судопроизводства применяется к преступлениям, наказание за которые не превышает десяти лет лишения свободы, в данном же случае речь шла о разбое, совершенном организованной группой (ст. 162 ч. 4 УК РФ) с максимальным наказанием в раз-
мере пятнадцати лет лишения свободы.

сил подсудимого отвечать на русском языке. Судья видел свою задачу в том, чтобы подтвердить признательные показания, данные на этапе следствия, несмотря на их расхождение с тем, что говорил подсудимый в суде. Адвокат не протестовал и даже помогал судье формулировать наводящие вопросы [14].

Как видно из примеров, российские адвокаты по назначению не всегда способны донести до суда позицию своих клиентов и защитить их права и свободы. Более того, они не всегда к этому стремятся. В юридическом лексиконе даже существует термин «карманные» адвокаты – когда адвокаты по назначению вступают в сговор со стороной обвинения для получения финансовой выгоды. Причинами такого поведения адвокатов становятся низкая оплата работы по назначению и позиционная слабость адвокатов по отношению к сотрудникам правоохранительных органов (более подробно об этом см.: Бочаров и Моисеева 2016; Moiseeva 2016).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье рассмотрено, как процесс судебного разбирательства может быть осмыслен с социологической точки зрения. Когда я только начинала вести наблюдения в российских судах, у меня не было конкретного исследовательского вопроса. Скорее, мною двигало любопытство социолога – что такое судебный процесс и отправление правосудия в России. Начав посещать суды, я с удивлением обнаружила, что места для зрителей часто пусты, судьи относятся к публике с подозрением, процессуальные правила не всегда соблюдаются, общение с журналистами пресекается, многие дела рассматриваются в упрощенной форме. Тогда у меня возник вопрос – для чего и для кого играется этот «судебный спектакль»?

В зависимости от используемого подхода (политического, юридического, социального) в качестве аудитории судебного перформанса можно рассматривать простых граждан, судью, подсудимого. Результаты наблюдения показывают, что применительно к российским судам с каждым из этих подходов есть трудности. Несмотря на то, что *de jure* практически все уголовные дела в России рассматриваются в открытом режиме, *de facto* чтобы присутствовать на судебном процессе в качестве зрителя, необходимо неформальное согласие судьи. Ничтожно малое количество дел рассматривается с участием присяжных заседателей, поэтому граждане имеют слабое представление о том, чего ожидать от судебного процесса, а судьи не стараются сделать процесс более понятным для обывателей. В этом плане трудно говорить о гражданах как главных адресатах судебного перформанса.

То же самое касается судей и подсудимых. Церемониальные и процессуальные правила взаимодействия нарушаются не только подсудимыми, адвокатами, прокурорами, но также и самими судьями, которые должны следить за исполнением этих правил. Особый порядок судебного разбирательства приводит к девальвации судебного процесса как перформанса, так как судьи не участвуют в принятии решения о виновности подсудимого, а подсудимый не получает объективного рассмотрения дела. Адвокаты по назначению не имеют должной мотивации для того, чтобы защищать интересы подсудимых всеми доступными средствами, и

предпочитают кооперироваться со стороной обвинения. Таким образом, судебный процесс в России – это театр без зрителей, процесс без состязательности, ритуал без сакрального. Судьи, адвокаты и прокуроры чаще всего занимаются рутинной бюрократической деятельностью, в которой остается мало пространства для профессионального суждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бочаров, Тимур и Екатерина Моисеева. 2016. *Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии*. СПб.: Издательство ЕУСПб.
- Вахштайн, Виктор. 2011. *Социология повседневности и теория фреймов*. СПб.: Издательство ЕУСПб.
- Волков, Вадим, Арина Дмитриева, Дмитрий Скугаревский, Кирилл Титаев и Ирина Четверикова. 2014. *Уголовная юстиция в России в 2009 г. Комплексный анализ судебной статистики (аналитический обзор)*. СПб.: Институт проблем правоприменения; М.: Статут.
- Камю, Альберт. [1942] 1989. «Посторонний». С. 21–82 в *Сочинения*. М.: Прометей.
- Моисеева, Екатерина. 2014. «Рабочие группы в судах Санкт-Петербурга». *Журнал социологии и социальной антропологии* 4:86–100.
- Сокол, Алексей. 2017. «Мосгорсуд начал прямую трансляцию судебных заседаний». *Legal.Report*, 16 ноября. Просмотрено 23 ноября 2017 г. (<https://legal.report/article/16112017/mosgorsud-nachal-putyamuyu-translyaciyu-sudebnyh-zasedanij>).
- Соломон, Питер. 2012. «Сделка с правосудием в России: особый порядок судебного разбирательства». С. 156–176 в *Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права*, под ред. Вадима Волкова. М.: Статут.
- Atkinson, J. Maxwell, and Paul Drew. 1979. *Order in Court: The Organization of Verbal Behavior in Judicial Settings*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press.
- Ball, Milner S. 1975. "The Play's the Thing: An Unscientific Reflection on Courts under the Rubric of Theater." *Stanford Law Review* 28(1):81–115.
- Bennett, W. Lance, and Martha S. Feldman. 1981. *Reconstructing Reality in the Courtroom: Justice and Judgment in American Culture*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Dixon, Jo. 1995. "The Organizational Context of Criminal Sentencing." *American Journal of Sociology* 100(5):1157–1198.
- Eisenstein, James, and Herbert Jacob. 1977. *Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Courts*. Boston: Little, Brown.
- Feifer, George. 1964. *Justice in Moscow*. New York: Simon & Schuster.
- Garfinkel, Harold. 1956. "Conditions of Successful Degradation Ceremonies." *American Journal of Sociology* 61(5):420–424.
- Goffman, Erving. 1974. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Henderson, Thomas A., and Cornelius M. Kerwin. 1982. "The Changing Character of Court Organization." *Justice System Journal* 7(3):449–469.
- Levinson, Sanford, and Jack M. Balkin. 1991. "Law, Music, and Other Performing Arts." *University of Pennsylvania Law Review* 139(6):1597–1658.
- Maynard, Douglas W. 1984. *Inside Plea Bargaining: The Language of Negotiation*. New York: Plenum Press.
- Mohr, Lawrence B. 1976. "Organizations, Decisions, and Courts." *Law & Society Review* 10(4):621–642.
- Moiseeva, Ekaterina. 2016. "Plea Bargaining in Russia: The Role of Defence Attorneys and the Problem of Asymmetry." *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice* 41(3):163–184.
- Nardulli, Peter F. 1978. *The Courtroom Elite: An Organizational Perspective on Criminal Justice*. Cambridge, MA: Ballinger Publishing Company.

- O'Barr, William. 1982. *Linguistic Evidence: Language, Power, and Strategy in the Courtroom*. New York: Academic Press.
- Ostrom, Briam J., Charles W. Ostrom, Jr., Roger A. Hanson, and Matthew Kleiman. 2007. *Trial Courts as Organizations*. Philadelphia: Temple University Press.
- Peters, Julie S. 2008. "Legal Performance Good and Bad." *Law, Culture and the Humanities* 4(2):179–200.
- Pomorski, Stanislaw. 2001. "Justice in Siberia: A Case Study of a Lower Criminal Court in the City of Krasnoyarsk." *Communist and Post-Communist Studies* 34(4):447–478.
- Rand, Robert. 1991. *Comrade Lawyer: Inside Soviet Justice in an Era of Reform*. Boulder, CO: Westview Press.
- Scheff, Thomas J., Brenda E. F. Beck, Michael P. Carroll, Arlene Kaplan Daniels, Richard Day, Stephen Fuchs, Jeffrey H. Goldstein et al. 1977. "The Distancing of Emotion in Ritual [and Comments and Reply]." *Current Anthropology* 18(3):483–505.
- Seron, Caroll. 1990. "The Impact of Court Organization on Litigation." *Law & Society Review* 24(2):451–466.
- Simmel, Georg. 1994. "The Picture Frame: An Aesthetic Study." *Theory, Culture & Society* 11(1):11–17.
- Zelitch, Judah. 1931. *Soviet Administration of Criminal Law*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

A LL RISE! THE COURT IS NOW IN SESSION: JUDICIAL PROCEEDINGS AS A SUBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Ekaterina Moiseeva

Ekaterina Moiseeva is a researcher at the Institute for the Rule of Law, European University in St. Petersburg. Address for correspondence: European University at St. Petersburg, Gagarinskaia ul., 6/1 A, Saint Petersburg, 191187, Russia. moiseeva@eu.spb.ru.

This research was supported by the Russian Scientific Foundation under grant no. 14-18-02219 ("A Sociological Study of the Legal Profession in Russia").

This article is devoted to the sociological analysis of judicial proceedings in Russia. The study is based on data collected through participant observation in Russian criminal courts in 2014–2015. I focus on the following topics: public access to judicial proceedings, the orientation of judges towards the audience, ceremonial and procedural rules of social interaction and their enforcement, and transformation of the social status of a defendant during trials. In the theoretical section, I outline the differences between a theatrical play and a court hearing. Unlike in a theater, in a courtroom playing a role has consequences. However, the concept of performance remains useful in describing court hearings. The article offers three explanations of the performativity of judicial proceedings: political, legal, and social. The difference between the approaches is relates to the type of audience for which trials are performed: ordinary citizens, the judge, or the defendant. Analyzing the results of observations, the study tries to answer the question of who is the main audience in Russian courts. The reluctance to make court hearings more

transparent and accessible to lay people, disregard for procedural rules, the violation of defendants' rights, the frequently reduced procedures for examining criminal cases—all these factors affect public perception of Russian courts as places where fair justice is produced. I conclude that trials in Russia are a theater without a public, an argument without adversity, and a ritual without sacredness. Judges are engaged in routine bureaucratic activities where little space remains for making professional judgments and applying judicial discretion.

Keywords: Judicial Proceedings; Status Degradation; Ceremony; Audience; Observations; Rule of Law; Russian Courts

REFERENCES

- Atkinson, J. Maxwell, and Paul Drew. 1979. *Order in Court: The Organization of Verbal Behavior in Judicial Settings*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press.
- Ball, Milner S. 1975. "The Play's the Thing: An Unscientific Reflection on Courts under the Rubric of Theater." *Stanford Law Review* 28(1):81–115.
- Bennett, W. Lance, and Martha S. Feldman. 1981. *Reconstructing Reality in the Courtroom: Justice and Judgment in American Culture*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Bocharov, Timur, and Ekaterina Moiseeva. 2016. *Byt' advokatom v Rossii: Sotsiologicheskoe issledovanie professii*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo EUSPb.
- Camus, Albert. [1942] 1989. "Postoronnii." Pp. 21–82 in *Sochineniia*. Moscow: Prometei.
- Dixon, Jo. 1995. "The Organizational Context of Criminal Sentencing." *American Journal of Sociology* 100(5):1157–1198.
- Eisenstein, James, and Herbert Jacob. 1977. *Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Courts*. Boston: Little, Brown.
- Feifer, George. 1964. *Justice in Moscow*. New York: Simon & Schuster.
- Garfinkel, Harold. 1956. "Conditions of Successful Degradation Ceremonies." *American Journal of Sociology* 61(5):420–424.
- Goffman, Erving. 1974. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Henderson, Thomas A., and Cornelius M. Kerwin. 1982. "The Changing Character of Court Organization." *Justice System Journal* 7(3):449–469.
- Levinson, Sanford, and Jack M. Balkin. 1991. "Law, Music, and Other Performing Arts." *University of Pennsylvania Law Review* 139(6):1597–1658.
- Maynard, Douglas W. 1984. *Inside Plea Bargaining: The Language of Negotiation*. New York: Plenum Press.
- Mohr, Lawrence B. 1976. "Organizations, Decisions, and Courts." *Law & Society Review* 10(4):621–642.
- Moiseeva, Ekaterina. 2014. "Rabochie gruppy v sudakh Sankt-Peterburga." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 4:86–100.
- Moiseeva, Ekaterina. 2016. "Plea Bargaining in Russia: The Role of Defence Attorneys and the Problem of Asymmetry." *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice* 41(3):163–184.
- Nardulli, Peter F. 1978. *The Courtroom Elite: An Organizational Perspective on Criminal Justice*. Cambridge, MA: Ballinger Publishing Company.
- O'Barr, William. 1982. *Linguistic Evidence: Language, Power, and Strategy in the Courtroom*. New York: Academic Press.
- Ostrom, Briam J., Charles W. Ostrom, Jr., Roger A. Hanson, and Matthew Kleiman. 2007. *Trial Courts as Organizations*. Philadelphia: Temple University Press.
- Peters, Julie S. 2008. "Legal Performance Good and Bad." *Law, Culture and the Humanities* 4(2):179–200.
- Pomorski, Stanislaw. 2001. "Justice in Siberia: A Case Study of a Lower Criminal Court in the City of Krasnoyarsk." *Communist and Post-Communist Studies* 34(4):447–478.

- Rand, Robert. 1991. *Comrade Lawyer: Inside Soviet Justice in an Era of Reform*. Boulder, CO: Westview Press.
- Scheff, Thomas J., Brenda E. F. Beck, Michael P. Carroll, Arlene Kaplan Daniels, Richard Day, Stephen Fuchs, Jeffrey H. Goldstein et al. 1977. "The Distancing of Emotion in Ritual [and Comments and Reply]." *Current Anthropology* 18(3):483–505.
- Seron, Caroll. 1990. "The Impact of Court Organization on Litigation." *Law & Society Review* 24(2):451–466.
- Simmel, Georg. 1994. "The Picture Frame: An Aesthetic Study." *Theory, Culture & Society* 11(1):11–17.
- Sokol, Aleksei. 2017. "Mosgorsud nachal priamuiu transliatsiiu sudebnykh zasedanii." *Legal.Report*, November 16. Retrieved November 23, 2017 (<https://legal.report/article/16112017/mosgor-sud-nachal-pryamuyu-translyaciyu-sudebnyh-zasedanij>).
- Solomon, Peter. 2012. "Sdelka s pravosudiem v Rossii: Osobyi poriadok sudebnogo razbiratel'stva." Pp. 156–176 in *Kak sud'i primaiut resheniia: Empiricheskie issledovaniia prava*, edited by Vadim Volkov. Moscow: Statut.
- Vakhshtain, Viktor. 2011. *Sotsiologiya povsednevnosti i teoriia freimov*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo EUSPb.
- Volkov, Vadim, Arina Dmitrieva, Dmitrii Skugarevskii, Kirill Titaev, and Irina Chetverikova. 2014. *Ugolovnaia iustitsiia v Rossii v 2009 g.: Kompleksnyi analiz sudebnoi statistiki (analiticheskii obzor)*. Saint Petersburg: Institut problem pravoprimereniia; Moscow: Statut.
- Zelitch, Judah. 1931. *Soviet Administration of Criminal Law*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.